

ВЫПУСК 2: К НАЧАЛУ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АССОЦИАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ (АЕВИС)

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ:

ФАКТЫ И КОММЕНТАРИИ

ВЫПУСК 2:
К НАЧАЛУ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Под редакцией:

д.э.н. Борко Ю.А.

д.э.н. Шемятенкова В.Г.

МОСКВА, март 1996

29 марта 1996 г. В Турине (Италия) встречей на высшем уровне открывается межправительственная конференция (МПК) государств-членов Европейского Союза. В дальнейшем она примет форму регулярных заседаний министров иностранных дел 15-ти ныне участвующих в ЕС стран. По прогнозам, конференция завершится в середине или в конце 1997 г. очередной встречей глав государств и правительств стран-членов ЕС.

Конференция рассматривается лидерами этих стран как крупнейшая политическая акция, которая во многом определит ход развития Союза на много лет вперед.

Созыв МПК был предусмотрен еще в 1992 г.: согласно статье N (2) Маастрихтского договора, она должна обсудить те его положения, которые подлежат пересмотру в соответствии с новыми целями участников ЕС, изложенными в этом документе. Конкретно за этой дипломатически обтекаемой формулировкой крылся тот факт, что в процессе подготовки Договора его участникам не удалось прийти к согласию по целому ряду вопросов, в первую очередь по вопросам реформы институтов ЕС, которые должны быть приспособлены к решению задач нового этапа интеграции – строительства экономического и валютного союза. Необходимость такой реформы была очевидна уже четыре года назад, что и привело к включению в Договор пункта о созыве МПК.

Необходимость такой реформы еще более возросла в связи с перспективой дальнейшего расширения ЕС. На сессии Европейского совета в Копенгагене в июне 1993 г. было решено, что при определенных условиях ассоциированные с ЕС страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) могут со временем стать его полноправными членами. Еще до этого к нему готовы присоединиться две средиземноморские страны – Мальта и Кипр. Всего на очереди в Союз стоит 12 государств, и его институциональная система должна быть заблаговременно адаптирована к расширенному членству.

Обновленный договор, после его подписания и ратификации государствами-членами, ляжет в основу дальнейшего развития ЕС.

Во второй половине 1995 г. работала специальная группа (Reflection group) по подготовке МПК. В ее составе были личные представители каждого национального министра иностранных дел ЕС, представитель Комиссии ЕС (КЕС) и два члена Европарламента. Группа во главе с испанцем К.Вестендорпом подготовила доклад, принятый к сведению Мадридской сессией Европейского совета в декабре 1995 г.

Первоначально работа подготовительной группы была ориентирована на то, чтобы нащупать почву для как можно большего числа компромиссов и не акцентировать хорошо известные разногласия сторон. Тем не менее ее итог недвусмысленно подтвердил, что в институциональном развитии ЕС возник латентный кризис, который со временем способен нанести ощутимый урон жизнеспособности Союза. Предполагаемое увеличение числа его участников с 15 до 25-27 и вовсе может привести к параличу всего механизма принятия и реализации решений.

Формально вопрос о расширении ЕС в повестку конференции не включен. Скорее всего его будут рассматривать отдельно после завершения МПК. В принципе не предусмотрена и ревизия в ходе конференции положений об экономическом и валютном союзе (ЭВС). Вместе с тем очевидно, что и реальное положение дел с реализацией планов по ЭВС, и соображения в связи с будущим расширением сыграют центральную роль при выборе курса в институциональной реформе.

С момента подписания в 1992 г. Маастрихтский договор подвергается интенсивной критике, идущей по двум основным направлениям: сомнения в эффективности заложенной в нем системы принятия решений и несоответствие принципов устройства институциональной структуры ЕС общепринятым нормам демократии. Межправительственная конференция призвана способствовать устранению этих недостатков.

Достижению этой цели должны служить: 1) дальнейшая разработка концепции европейского гражданства и культурного измерения интеграции; 2) выбор наиболее эффективных форм решения проблем так называемой внутренней безопасности (визовый режим, механизмы предоставления убежища и иммиграционная политика); 3) развитие социального и экологического направлений в деятельности ЕС, а также его политики в сфере занятости; 4) укрепление международной роли Союза; 5) обеспечение большей открытости процесса принятия решений; 6) демократизация и упрощение этого процесса; 7) борьба с мошенничеством при использовании финансовых ресурсов ЕС; 8) приведение Договора в удобоваримую и доступную пониманию рядовых граждан форму. По каждому из этих направлений имеется множество предложений, из которых предстоит выбирать лучшее или, скорее всего, наиболее приемлемое для 15 государств-членов.

1. Роль Европейского Союза в обеспечении фундаментальных прав человека

В Маастрихтском договоре присутствует традиционный для ЕС подход к вопросу о гарантиях защиты прав человека как относящемуся к компетенции прежде всего национальных государств, и только затем уже Союза в целом. Введенное Договором понятие европейского гражданства вторично в сравнении с гражданством национальным. В нем нет и упоминания о гражданской защите лиц из третьих стран, являющихся легальными резидентами в странах ЕС. Право передвижения граждан стран ЕС по всей территории Союза в целях работы и проживания подтверждено, но не подкреплено упоминанием о правах, которые они при этом сохраняют.

Суд ЕС непосредственно правами человека не занимается. Он, однако, требует от институтов Сообщества соблюдения фундаментальных прав в разрабатываемых и принимаемых ими решениях – на том основании, что государства-члены не могли бы выполнять решения, нарушающие права, которые лежат в основе их собственной политической системы.

Для того чтобы Суд мог опираться на более прочную основу в осуществлении этой функции, и Комиссия, и Парламент настаивают на присоединении Европейского Союза как такового к Европейской конвенции прав человека (другой вариант – включение текста Конвенции непосредственно в Договор). Конвенция была принята Советом Европы в 1950 г., и государства-члены ЕС участвуют в ней каждое в отдельности.

Вероятно, на конференции будет также обсуждена возможность создания механизма, который позволял бы применять санкции, вплоть до приостановки членства в Союзе, к тем странам, которые не выполняют своих обязательств в области обеспечения демократических прав и свобод. Трудно усомниться в том, что эти меры предусматриваются прежде всего для потенциальных участников Союза из стран Центральной и Восточной Европы.

Более уверенно чувствует себя ЕС в сфере так называемых социальных прав. Концепция социальных прав как составной части системы прав человека получила развитие в Европе после Второй мировой войны. Сейчас все больше сторонников находит идея создания общей правовой базы социальных прав для всех граждан Союза. Это предполагалось сделать еще в Маастрихте, где были подготовлены Протокол о социальной политике и Соглашение о социальной политике, которые подписывались одновременно с Маастрихтским договором. Однако эти документы остались вне его рамок из-за отсутствия под ними подписи Великобритании. Теперь предлагается ввести Протокол о социальной политике непосредственно в текст Договора. В целом социальное направление в деятельности ЕС является на сегодняшний день одним из наиболее активно развивающихся.

2. Коррекция взаимоотношений основных институтов ЕС

Оптимизация институциональной структуры была предметом постоянных забот ЕС на протяжении всей его истории. Коррективы вносились в нее неоднократно. Сейчас именно здесь ищут основной конкретный ответ на упреки и обвинения в неэффективности и недемократичности Союза.

На сегодняшний день эта структура имеет следующий вид. Высшей политической инстанцией объединения является Европейский совет в составе глав государств и правительств стран-участниц объединения, регулярно – дважды в год – собирающийся на свои сессии. Законодательные функции сосредоточены главным образом в Совете (Совете министров). Парламент, создававшийся в свое время как чисто консультативный орган, участвует в законотворчестве в весьма ограниченных пределах. Комиссия действует как наднациональный исполнительный орган в сферах, отведенных ей для этого основополагающими Договорами об учреждении Сообществ (ЕОУС, ЕЭС и Евратом) и Единым европейским актом 1986 г. Она также располагает правом законодательной инициативы. Суд ЕС следит за соблюдением действующего законодательства ЕС на территории государств-членов.

В настоящее время одним из основных направлений совершенствования институциональной структуры Союза признано повышение роли Европарламента. Среди инициатив, которые имеют хорошие шансы на реализацию, следует

назвать предложение упростить процедуры принятия решений в ЕС. Согласно Маастрихтскому договору, предусматривается около 20 таких процедур. Предлагается сократить их до трех (консультации, согласие, совместные решения). Есть и еще более радикальное предложение, исходящее от Парламента: оставить только две процедуры – согласие и совместное решение.

На данной стадии консультации Совета министров с Парламентом предусматриваются для принятия внешнеполитических решений. Процедуру согласия, то есть парламентского одобрения, к которой ныне прибегают при рассмотрении заявок на членство в ЕС и некоторых международных соглашений, предлагается распространить на все международные соглашения и на принятие принципиальных изменений в отношении использования фондов ЕС. Процедура совместного решения Парламента и Совета министров была введена Маастрихтским договором (ст.189б). Она расширяет участие Парламента в законотворческой деятельности и дает ему право отвергать законопроекты. Сейчас эта процедура распространяется лишь на некоторые области, включая внутренний рынок и свободное перемещение рабочей силы. Предлагается расширить сферу ее применения на все случаи, в отношении которых Совет министров принимает решения большинством голосов.

Европарламент традиционно претендует на то, чтобы избирать Председателя Комиссии ЕС (ныне его назначение находится целиком в руках национальных правительств). Парламентарии располагают правом отправить в отставку всю Комиссию, но никогда не прибегали к этому из опасения спровоцировать в объединении политический кризис. Поэтому они хотели бы получить возможность отстранять отдельных членов Комиссии, обращаясь с этим вопросом в Суд. Таким образом, положение приблизилось бы к идеалу с точки зрения принципа разделения властей: Комиссия как исполнительный орган несла бы ответственность перед Парламентом как представительной демократической властью. В конечном счете, это защитило бы Комиссию от обвинений в самовластном бюрократизме, что серьезно подрывает авторитет ЕС в глазах рядовых европейцев.

Весьма деликатен вопрос о количестве членов Комиссии, в которую по сложившейся традиции входят по два человека от крупных государств ЕС и по одному – от остальных. В связи с уже состоявшимися и планируемыми расширениями ЕС эта формула грозит превращением Комиссии в чрезвычайно громоздкий институт. Учитывая чувствительность национальных правительств в этом вопросе, предлагается принять принцип «один член Комиссии на каждую страну-участницу» и обсудить эту формулу на самой конференции. Однако в дальнейшем она потребует уточнения: возможно, некоторым малым государствам ЕС придется отказаться от своей квоты или согласиться на некую систему ротации.

Предложение ограничить круг вопросов, по которым требуется единогласное решение Совета министров, повысило бы эффективность системы принятия решений. Некоторые участники нынешних дискуссий считают, что единогласно должны решаться лишь вопросы принципиальные – такие как пересмотр основополагающих договоров, принятие новых членов, а также вопросы, формально не входящие в компетенцию Союза.

Специалисты признают, однако, что это предложение относится к разряду радикальных. По-видимому, в категорию вопросов, принимаемых большинством голосов, будут переведены в первую очередь вопросы научно-технической политики и охраны окружающей среды (параллельно предлагается изложить вопросы экологической защиты в ст.3 Договора, а также учесть экологический аспект в тех статьях, где речь идет о промышленной, сельскохозяйственной, транспортной, энергетической политике). Труднее добиться того же в отношении таких сфер, как налогообложение, социальное

обеспечение и государственная поддержка национальной промышленности.

Тенденция к расширению круга вопросов, принимаемых большинством голосов, ведет к тому, что в дальнейшем все большее число решений в ЕС будет приниматься вопреки мнению отдельных его участников. Поэтому крупные страны опасаются, что после увеличения числа членов Евросоюза и при сохранении нынешнего порядка в распределении голосов в Совете они могут оказаться в меньшинстве при голосовании и будут вынуждены выполнять решения, навязанные им малыми государствами. Так, согласно подсчетам, если число членов Союза возрастет до 28, решения большинством голосов в принципе смогут принять страны, в которых проживает менее 47% общего населения ЕС.

В связи с этим, на конференции, вероятно, будет рассмотрена и идея так называемого «двойного большинства» (с учетом не только числа государств, но и численности их населения). Речь идет о том, чтобы предоставить группе из любых трех стран с совокупным населением свыше 100 млн. возможность заблокировать принятие негодного им решения. Первоначально малые страны Союза по вполне понятным причинам выступили против этой идеи. По заявлениям их представителей, при распределении голосов нужно в большей степени руководствоваться принципом равенства между государствами, а не демографическими, экономическими или финансовыми соображениями. Однако в последующем стало ясно, что им придется пойти на уступки.

Франция выступает с традиционным для нее предложением ввести должность Генерального секретаря Европейского Совета (форума глав государств и правительств), назначаемого на трехлетний срок. Генеральный секретарь представлял бы ЕС за рубежом. Эта идея, однако, не встречает большого сочувствия у остальных участников и в первую очередь у Комиссии, которая сама претендует на соответствующую роль.

3. Принцип субсидиарности

Этот принцип был впервые включен в законодательство ЕС Маастрихтским договором. В ст.3 в Договора зафиксирована следующая формулировка: «В областях, которые не подпадают под его исключительную компетенцию, Сообщество действует в соответствии с принципом субсидиарности, если и поскольку цели предполагаемого действия не могут быть достигнуты в достаточной мере государствами-членами и поэтому, в силу масштабов и результатов предполагаемого действия, могут быть более успешно достигнуты Сообществом». Иными словами, вопросы должны решаться на том уровне, где их решение будет наиболее эффективным.

В сущности, принцип субсидиарности близок традиционному принципу федерализма, смысл которого состоит в том, чтобы избежать как чрезмерной централизации, так и излишнего рассредоточения управления. В ЕС эта проблема осложняется тем, что здесь речь идет о балансе отношений между тремя уровнями властной пирамиды (ЕС – национальное государство – регионы).

Поскольку понятие субсидиарности многозначно, в странах ЕС его продолжают трактовать по-разному в зависимости от особенностей национальной территориально-административной системы, правовой базы и практики взаимодействия центра и регионов, а также преследуемых политических целей.

Так, в Бонне субсидиарность толкуют главным образом под углом зрения взаимоотношений федеральных властей и земель, а британская сторона видит в этом принципе прежде всего гарантию обеспечения национального суверенитета в наиболее чувствительных областях. Региональные власти Германии выступают в пользу разработки жесткого списка компетенций соответственно Союзу, национальных и местных властей (предсказывают, что на конференции Германия в очередной раз попытается сократить объем нынешних полномочий Союза в областях образования, культуры и здравоохранения, которые в ФРГ находятся в ведении земель). Однако представители других стран эту идею не поддерживают.

4. «Твердое ядро» ЕС

Серьезные последствия с точки зрения жизнеспособности институциональной структуры ЕС вызвала бы легализация т.н. «твердого ядра». Речь идет о принципиальном изменении самой философии интеграции, разработанной еще в 50-е годы и положенной в основу деятельности Европейского сообщества. До сих пор стратегия Союза исходила из того, что государства-члены должны продвигаться вперед с одинаковой скоростью и на равных основаниях участвовать в реализации интеграционных программ. Для всех вновь вступающих стран был предусмотрен лишь переходный период, после которого на них распространялись все действующие обязательства, законы, нормативы и программы.

Маастрихтский договор был первым базовым документом, который предусматривал отступление от этого принципа. Во-первых, в нем допускалась возможность перехода к экономическому и валютному союзу лишь тех государств, которые достигнут к 1999 г. установленных экономических критериев, даже если они будут в меньшинстве. Во-вторых, за Великобританией и Данией было закреплено право воздержаться от немедленного присоединения к ЭВС и в том случае, если они будут соответствовать этим критериям. В-третьих, из-за особой позиции Лондона Протокол и Соглашение о социальной политике, подписанные всеми членами ЕС, за исключением Великобритании, пришлось вывести за рамки основного текста Маастрихтского договора.

К середине 90-х годов выяснилось, что разрыв между двумя группами членов Союза, в разной мере готовых участвовать в ЭВС, несколько не уменьшился, и необходимо сделать окончательный выбор – либо отложить срок перехода к финальной стадии создания ЭВС, либо легализовать концепцию «двух скоростей». Более того, с учетом намеченного вступления стран ЦВЕ речь идет уже о «трех скоростях» развития интеграции. Согласно официальной версии смысл возникшей в связи с этим идеи «твердого ядра» состоит в том, что группе государств-членов, способных и желающих продвигаться быстрее, чем остальные партнеры, отводилась бы роль «локомотива» дальнейшей европейской интеграции.

Этот подход нашел отражение в ряде официальных документов. Так, в докладе Комиссии ЕС относительно хода выполнения Маастрихтского договора, обнародованном в мае 1995 г., записано: «Дальнейшее расширение ... вынудит нас обратить большее внимание на возможность сочетания различных скоростей интеграции. Концепция интеграции разных скоростей уже присутствует и в контексте экономического и валютного союза, и в системе Шенгенского соглашения, хотя последнее все еще остается вне рамок Сообщества»^[1]. В докладе допускается, что некоторым странам может быть предоставлено более длительное время для приспособления к участию в определенных интеграционных направлениях при условии, что они продолжают совместно продвигаться к общей цели. Его составители, однако, возражают против постоянно действующих исключений.

Но главный шаг сделан – концепция движения на разных скоростях стала официальной точкой зрения. Это весьма существенно для институтов: такая концепция подрывает прежние основы их существования в качестве надстройки над национальными политическими системами и требует нового подхода к документальным основам их самостоятельной деятельности. Договор уже недостаточен – чтобы институты и при подобных изменениях сохранили свое лицо, настоятельно требуется Евроконституция.

5. Внутренняя и внешняя безопасность в свете концепции «трех опор»

Такая концепция впервые появилась в Маастрихтском договоре и подразумевает, что коммунитарные институты (то есть институты Сообщества) непосредственно занимаются только очерченным в нем кругом проблем преимущественно хозяйственной политики, включая реализацию планов строительства ЭВС. Эти проблемы входят в компетенцию Европейского сообщества, которое является как бы институционально обособленной частью Союза, или его **первой опорой**. Помимо этого организация Европейского Союза охватывает сферы межправительственного сотрудничества участников – внешнюю политику и политику безопасности (**вторая опора**), а также вопросы правосудия и внутренних дел (**третья опора**). В этих областях Комиссия и Европарламент выполняют только консультативные функции.

Сторонники унификации институционального механизма ЕС справедливо указывают, что, скажем, сотрудничество в области внешней политики и политики международной безопасности в его нынешнем виде крайне неэффективно, а межправительственные договоренности в вопросах внутренних дел не имеют нормативной базы и остаются вне парламентского контроля. Но предложение отказаться от этой системы выдвигается некоторыми странами (например, Италией) без конкретизации того, чем можно было бы ее заменить. К тому же вряд ли можно ожидать, что правительства государств-членов пойдут в ближайшее время на передачу институтам ЕС собственных полномочий в этих крайне чувствительных с точки зрения национального суверенитета областях.

Прогнозируется, что на деле в обозримый период, в том числе и после предстоящей межправительственной конференции, интеграция во внешней политике будет минимальной и вряд ли приведет к изменениям в соответствующих главах Маастрихтского договора. В отношении политики безопасности наблюдатели отмечают устойчивое противостояние двух тенденций: Франция, Германия, Испания и Бельгия полагают, что у Союза должно быть собственное «военное измерение», что в конечном счете подразумевает слияние Западноевропейского союза (ЗЕС) и ЕС, тогда как Великобритания, Дания, Нидерланды и Португалия настаивают на сохранении доминирующей роли НАТО. Учитывая эти разногласия, межправительственная конференция, вероятно, сосредоточится на определении новых взаимоотношений между ЕС и ЗЕС, в связи с чем неизбежно встанет и вопрос о финансировании будущей европейской оборонительной структуры.

В области внутренней безопасности предлагается, в частности, инкорпорировать в Договор содержание Шенгенского соглашения. Кроме того, сложились явные различия в походе к вопросам, касающимся граждан третьих стран (визовый режим, иммиграция, предоставление убежища), которые могут быть и, вероятно, будут перенесены в ведение «первой опоры» более или менее безболезненно для государств-членов, и такими областями как уголовное право и судопроизводство, которые останутся предметом межправительственного сотрудничества.

Заключение

Ход предстоящей конференции не обещает быть легким. 12 марта 1996 г. британское правительство выпустило Белую книгу по МПК, где выражает свою твердую оппозицию намерениям ограничить право вето, сохраняемое национальными правительствами, путем расширения сферы, в которой решения принимаются большинством голосов. Консервативное правительство Дж.Мейджора намерено воспрепятствовать попыткам распространить компетенцию ЕС на области межправительственного сотрудничества, такие как оборона и внутренние дела, и сопротивляться расширению полномочий Европарламента и Евросуда. Оно также постарается использовать принцип субсидиарности для дальнейшего сокращения сферы деятельности Комиссии.

Наблюдатели указывают, что у этого правительства весьма шаткие позиции в стране, что может привести к досрочным парламентским выборам. В таких условиях ему особенно трудно сопротивляться давлению евроскептиков, влиятельных в консервативной партии.

Вместе с тем вполне вероятно, что в итоге общенациональных выборов в Великобритании, которые, видимо, состоятся не позднее мая 1997 г., то есть еще до завершения конференции, на смену консерваторам придут лейбористы, настроенные значительно более про-европейски.

Но в таком случае на первый план выдвигается так называемая французская проблема. На данном этапе в ЕС высказываются сомнения относительно способности Франции выполнить установленные требования участия в третьем (финальном) этапе программы создания ЭВС и опасения по поводу отчетливо негативного отношения ведущих членов нынешнего правительственного большинства к перспективам и планам институциональной реформы ЕС.

Таким образом, ввиду сохраняющихся существенных расхождений во мнениях сторон, вряд ли стоит ожидать принятия конференцией каких-либо радикальных решений. По-видимому, будут одобрены в основном частичные предложения, а цели и общая концепция Союза останутся за рамками обсуждения.

Сомнительно, что в расширенном Союзе все разнокалиберные его участники будут когда-либо подогнаны под общий ранжир. Поэтому крайне сложно сформулировать ту конечную цель, которая была бы им в равной степени близка. Но если это так, то резонно предложение члена Европейского парламента от британской лейбористской партии Д.Мартина,

предусмотреть в Договоре процедуру выхода из ЕС любого его участника, если он сочтет невозможным продолжать свое членство. В правящих кругах ЕС пока отмахиваются от подобной идеи. Однако она симптоматична, свидетельствуя, что проблема гораздо глубже, чем в этом готовы признаться заинтересованные стороны.

Институциональная реформа ЕС оказалась в тисках явного противоречия. С одной стороны, нынешние принципы институционального устройства, не допускающие «изменяемой интеграционной геометрии» на постоянной основе, рассчитаны на ограниченный круг участвующих стран и плохо совместимы с дальнейшим расширением Союза. «Минималистское» решение, не затрагивающее ключевых вопросов эффективности и демократии, негативно сказалось бы на перспективах нового расширения.

С другой стороны, далеко идущие изменения в основополагающем Договоре вряд ли будут импонировать общественности отдельных стран и могут быть отвергнуты ею в ходе соответствующих референдумов.

Тем не менее, новый Договор, по-видимому, все же удастся заключить на основе компромиссов, позволяющих избежать радикального выбора между расширением и эффективностью принятия решений; между централизацией, идущей в ущерб демократии, и децентрализацией, чреватой утратой сплоченности; между утверждением европейской идентичности и национальным суверенитетом.

Подготовлено к.и.н. М.Стрежневой (ИМЭМО РАН)

по заказу ИЕ РАН и АЕВИС

Отв. за информационное обеспечение – В.Тяжелова

[\[1\]](#) Preparing Europe for the 21st century // Europe-Documents. 1995. May 12. N 1932.

14 июня 1985 г. пять государств-членов ЕС – Бельгия, Люксембург, Нидерланды, ФРГ и Франция – подписали в Шенгене (небольшая деревня в Люксембурге) соглашение о полной отмене паспортного контроля на границах между ними. Позже к нему присоединились Испания, Португалия, Италия и Греция. Соглашение вступило в силу 26 марта 1995 г., но последние два государства пока воздержались от его применения, а Франция вскоре временно приостановила его действие.